

УДК: 81'373.611=161.1'276.4/.5-048.3(477.52/.6)
DOI: 10.26565/2227-1864-2020-87-09

Вооруженные конфликты как источники лексических новообразований в русском языке (на материале вооруженного конфликта на Донбассе)

Фу Цзин

*кандидат филологических наук, доцент, доцент факультета русского языка,
Сычуаньский университет иностранных языков
(ул. Чжуанчжи, 33, район Шапинба, Чунцин, 400031, Китай);
e-mail: fenger1205@mail.ru*

Словарный состав языка является непостоянной величиной, он непрерывно изменяется, отвечая на потребности жизни и отражая ее новые реалии. События, происходящие на юго-востоке Украины, начиная с марта 2014 г., существенно изменили привычную картину мира сторон-участниц данного конфликта, привели к новой интерпретации действительности, возникновению новых ментальных конструктов, объективируемых в языке при помощи целого ряда лексических инноваций, большая часть которых подпадает под определение «языка ненависти». Цель данной статьи заключается в попытке рассмотреть влияние вооруженного конфликта на юго-востоке Украины на появление лексических инноваций в русском языке, выявить способы образования новых единиц и их основные тематические кластеры. Материалом для работы стали новообразования, зафиксированные в электронных российских и русскоязычных украинских массмедиа, а также отобранные из социальных сетей, видеороликов.

Анализ показал, что в контексте вооруженного конфликта на юго-востоке Украины характерными проявлениями «языка ненависти» являются, главным образом, многочисленные новые номинации-ярлыки с ярко выраженным конфликтогенным потенциалом. Приоритетными в этом плане являются оскорбительно-уничтожительные номинации представителей противоположного лагеря с учетом их мировоззренческих / идеологических, национальных / этнических, территориальных / региональных характеристик. Значительное обновление претерпел и военный жаргон, вобравший в себя не только реактуализированные ситуацией сленгизмы эпохи афганской кампании 1979-89 гг., но и лексические инновации, обусловленные военно-политическими реалиями текущего вооруженного конфликта на Донбассе. Образование неологизмов происходит в соответствии с существующими в русском языке способами (словообразование, семантическая деривация, заимствования). При этом используются также нестандартные словообразовательные техники (языковая игра, омофония и др.).

Ключевые слова: вооруженный конфликт, язык ненависти, военный жаргон, лексическая инновация, словообразование, Донбасс

Фу Цзин. Збройні конфлікти як джерела лексичних новоутворень в російській мові (на матеріалі збройного конфлікту на Донбасі)

Словниковий склад мови є непостійною величиною, він безперервно змінюється, відповідаючи на потреби життя і відображаючи її нові реалії. Події, що відбуваються на південному сході України, починаючи з березня 2014 р., істотно змінили звичну картину світу сторін-учасниць даного конфлікту, призвели до нової інтерпретації дійсності, виникнення нових ментальних конструктів, об'єктивованих у мові за допомогою цілого ряду лексичних інновацій, велика частина яких підпадає під визначення «мови ненависті». Мета даної статті полягає в спробі розглянути вплив збройного конфлікту на південному сході України на появу лексичних інновацій в російській мові, виявити способи утворення нових одиниць та їх основні тематичні кластери. Матеріалом для роботи стали новоутворення, зафіксовані в електронних російських і російськомовних українських мас-медіа, а також відібрані з соціальних мереж, відеороликів.

Аналіз засвідчив, що в контексті збройного конфлікту на південному сході України характерними проявами «мови ненависті» є, головним чином, численні нові номінації-ярлики з яскраво вираженим конфліктогенним потенціалом. Пріоритетними в цьому плані є образливо-принизливі номінації представників протилежного табору з урахуванням їх світоглядних / ідеологічних, національних / етнічних, територіальних / регіональних характеристик. Значного оновлення зазнав і військовий жаргон, що увібрав в себе не тільки реактуалізовані ситуацією сленгізми епохи афганської кампанії 1979-89 рр., а й лексичні інновації, обумовлені військово-політичними реаліями поточного збройного конфлікту на Донбасі. Утворення неологізмів відбувається відповідно до існуючих в російській мові способів (словотворення, семантична деривація, запозичення). При цьому використовуються також нестандартні словотвірні техніки (мовна гра, омофонія та ін.).

Ключові слова: збройний конфлікт, мова ненависті, військовий жаргон, лексична інновація, словотворення, Донбас

Fu Jing. Armed conflicts as a source of new formations in the Russian language (on material of the armed conflict in Donbass)

The vocabulary of a language is a variable quantity, it is constantly changing, responding to the needs of life and reflecting its new realities. The events taking place in the South-East of Ukraine since March 2014 have significantly changed the usual picture of the world of the parties involved in this conflict, led to a new interpretation of reality, the emergence of new mental constructs, objectified in the language using a number of lexical innovations, most of which fall under the definition of „hate speech”. The purpose of this article is to try to examine the impact of the armed conflict in the South-East of Ukraine on the emergence of lexical innovations in the Russian language, to identify ways of forming new units and their main thematic clusters. The material for the work was neoplasms recorded in electronic Russian and Russian-speaking Ukrainian mass media, as well as selected from social networks and videos.

The analysis showed that in the context of the armed conflict in the South-East of Ukraine, the characteristic manifestations of „hate speech” are mainly numerous new categories-labels with a pronounced conflict potential. The priority in this regard is offensive and

derogatory nominations of representatives of the opposite camp, taking into account their worldview / ideological, national / ethnic, territorial / regional characteristics. The military jargon has also undergone a significant update, incorporating not only the reactualized slangisms of the era of the Afghan campaign of 1979-89, but also lexical innovations caused by the military and political realities of the current armed conflict in the Donbas. Neologisms are formed in accordance with the existing methods in the Russian language (word formation, semantic derivation, borrowing). At the same time, non-standard word-forming techniques are also used (language play, homophony, etc.).

Keywords: armed conflict, hate speech, military jargon, lexical innovation, word formation, Donbass

Постановка проблемы и актуальность темы. Словарный состав языка является непостоянной величиной. Формируясь в течение многих веков, он непрерывно изменяется, отвечая на потребности жизни и отражая ее новые реалии.

В современном языкознании вопрос о причинах и путях обновления лексического состава языка в теоретическом аспекте достаточно глубоко и всесторонне изучен благодаря фундаментальным работам Л. П. Крысина [5], Г. П. Цыганенко [12], Н. М. Шанского [14] и др. При этом сохраняется необходимость изучения прикладных аспектов лексических инноваций, особенно тех, что затрагивают периферийные и специальные пласты лексики (т.е. слова и устоявшиеся выражения, используемые только в определенных случаях и ситуациях), которые, согласно выводам ученых-филологов, обновляются особенно интенсивно и гораздо быстрее, чем основной словарный фонд языка [7].

Наиболее активно процесс обновления лексики происходит «в периоды глубоких общественно-политических потрясений и социально-культурных перемен» [3, с. 218]. К подобным потрясениям можно, без сомнения, отнести и вооруженные конфликты, в том числе и тот, который уже шесть лет продолжается на юго-востоке Украины.

В своем исследовании мы исходим из того, что лексические новообразования в русском языке, возникшие в результате этого конфликта, можно рассматривать в качестве одного из «периферийных пластов» лексики.

Правомерность выбора для исследования именно русскоязычного материала обусловлена рядом причин. Прежде всего, это преобладание русскоязычного населения в восточных регионах Украины, вовлеченных с 2014 года в вооруженный конфликт: 93% в Донецкой и 89% в Луганской областях (по данным на 2001 г. [8]), а также – как свидетельствуют собственные наблюдения автора данной статьи, сделанные во время пребывания в до- и постмайданной Украине, – в центральных регионах страны, в том числе и Киеве. Чрезвычайно важным в этом плане является тот факт, что носители русского языка изначально участвуют в данном конфликте с *обеих* сторон. При этом обращает на себя внимание практически полное отсутствие системных научных исследований обозначенного пласта новой лексики – невзирая на то, что его характерные элементы уже прочно вошли в

языковой обиход, активно используются в живом общении, социальных сетях, на ТВ, – что и обуславливает *актуальность* избранной темы.

Цель данной статьи заключается в попытке рассмотреть влияние вооруженного конфликта на юго-востоке Украины на появление лексических инноваций в русском языке, выявить способы образования новых единиц и их основные тематические кластеры.

Материалом для работы стали новообразования, зафиксированные в электронных российских и русскоязычных украинских массмедиа, а также отобранные из социальных сетей, видеороликов. Все использованные в статье материалы и данные находятся в открытом доступе.

Изложение основного материала. Приступая к рассмотрению данной темы, считаем необходимым определиться с таким важным понятием, как понятие *вооруженного конфликта*. Сразу отметим, что на сегодняшний день не существует его унифицированной дефиниции. Хрестоматийным считается определение, данное Международным уголовным трибуналом по бывшей Югославии. Согласно этому определению, вооруженный конфликт имеет место каждый раз, когда государства прибегают к применению силы или когда происходит длительное вооруженное противостояние между правительственными силами и организованными вооруженными группами или между такими группами внутри одного государства [4]. Применительно к ситуации на востоке Украины, вооруженный конфликт может трактоваться как длительное вооруженное противостояние между – с одной стороны – правительственными войсками – ВСУ и украинскими добровольческими батальонами и – с другой – организованными вооруженными отрядами сепаратистов, имеющими «определенную командную структуру» и «возможность осуществлять непрерывные военные действия» [4].

Априори при любом вооруженном конфликте «накаляется градус ненависти, противодействия или как минимум антипатии» [9], что приводит к изменению привычных реалий и существовавшей до него картины мира в целом, к возникновению новых смыслов и механизмов восприятия и интерпретации действительности и, соответственно, к формированию новых дискурсивных практик. Приоритетной среди них – по понятным причинам – выступает так называемый «дискурс войны» (П. Рикер), неотъемлемой частью которого является его

вербальна складова, характерні елементи якої об'єктивують те ментальні конструкції, які сформувалися в свідомості носіїв мови в умовах збройного протистояння, визначаючи і домінуючий конфліктогенний характер означеного дискурсу.

Перше з усього, це стосується оціночних маркованих лексических одиниць (далі – ЛЕ), належачих до «мови ненависті» (від англ. “hate speech”) в тому розумінні, яке рекомендується Комітетом Міністрів Ради Європи № R (97) 20 – як всіх форм самовираження, включаючи поширення, промовляння, стимулювання або оправдання різних видів ненависті на основі нетерпимості, включаючи нетерпимість у вигляді агресивного націоналізму або етноцентризму, дискримінації або ворожобності [17] у відношенні окремих осіб або визначених груп осіб.

Згідно з висновками української дослідниці С. Фіялки, «мова ненависті» відрізняється специфічною лексику і фразеологією, експресивністю у виборі оборотів і особливим використанням словотвірних засобів. Одним з найважливіших факторів, визначаючих сутність «мови ненависті», є те, що вона ґрунтується на таких явищах, як соціальні стереотипи і дискримінація [15, с. 15].

У контексті збройного конфлікту на сході України характерними проявами «мови ненависті» є, зокрема, численні нові номінації-ярлики з яскраво вираженим конфліктогенним потенціалом. Це, по-перше, переважно, негативно-оціночні найменування сторін конфлікту різної ступеня агресивності. Подібні лексическі новоутворення, за допомогою яких з обох сторін реалізується риторика ворожби, можуть бути розподілені за кількома основними **тематичними групами**:

1) ЛЕ, акцентуючі особливості **світоглядно-ідеологічних пріоритетів** ворожбючих сторін, зокрема і з точки зору належності до відповідних об'єднань: *бандери (бендери), бандеровці (бендеровці), бандерлоги, бандерофашисти, майдануни, майдануті, майданопітеки, нацисти, нацади, правосіки, укробандеровці, українацики, укротітеки, укрофашисти, свідомі / свідомиті; сепари, сепарня, колоради, фашия (фашисти – Ф. Ц.), (українські) каратели, «німці», хунтята / хунтенки* і т.п., наприклад: *я записався в ополчення, щоб убити биндер* (бандеровець; тут і далі виділено мною. – Ф. Ц.) [79]; *Дрожи, сепарня, – полк «Азов» повертається на лінію фронту* [51]; *Наші <...> планово утюжать артилерією українацистів* [33]; *А всі-таки укропські хунтята як пробки тупи* [90] і т. д.;

2) ЛЕ, акцентуючі **національну** або **етнічну неповноцінність** представників протилежного табору або їх прив'язку до **визначеної території**: *украї, укропи, укропський, западенці / западенський, галичане / галичанський, галица, лугандон (житель Л/ДНР), «бурятські війська», «бойові буряти Путіна», львофашисти* і т.п., наприклад: *Украї опалились, на здивлення, непоганими бойцями* [79]; *Убожество западенської ідеології <...> очевидно* [57]; *Вот <...> це і єсть лугандон в Києві* [52]; *Карфаген (укростан) повинен бути знищений усуненням укростану, точніше, галичанської укростану* [59].

3) ЛЕ для позначення **державних** або умовних **територіально-адміністративних** (квазі-державних) образів, власних інституцій, асоціюючихся з носіями ворожбючого світогляду або ідеології: *Лугандон, Даунбас, Раша / Рашка (Росія), дыныры/дыра (ДНР – Ф. Ц.), Московія, Мордор* (в текстах проукраїнського змісту); *Україна, Укропія, Хохлостан, Хохляндія, Хохланд, Руїна, Укруїна, Укруанда, Вукраїна, країна 404, нацистська / бандерівська / киевська хунта* і т.п. (в матеріалах антиукраїнської спрямованості), наприклад: *я був звільнений, бо не захотів їти до Хунти працювати* [79]; *все це однозначно говорить про те, що Хохлостан готується до великої війни на Донбасі* [24]; *Народонаселення з расчеловечиванням погодилось. Такого тепер в Мордорі новий громадський договір* [22]; *С травня місяця я вже воював за дыныры* [79] і т. д.

Крім цього, у якості негативно-маркованих оціночних номінацій у текстах антиукраїнської спрямованості впродовж всього періоду конфлікту використовуються ЛЕ іронічно-знижувального змісту, апеллюючі до подій на Майдані в Києві зимою 2013-14 рр., одним з трагічних наслідків якого і стало збройне протистояння на Донбасі: *майдануни, майдануті, каструлеголови* і т.п., наприклад: *Надіжда тільки на те, що крім майданутих українациків на Україні єть нормальні російські люди* [49] і т.п.

Оскільки будь-який збройний конфлікт априорно передбачає зіткнення і участь у ньому людей, так або інакше причастних до військової справи, особливий пласт мови складає військова лексика, обслуговуюча мовне спілкування даної соціальної групи.

Як справедливо зауважує Б. Бойко, військова лексика як основна складова «військового сленгу» [47, с. 137] у мовному спілкуванні представлена військовими термінами – ЛЕ, вошедшими в загальну мовну оборот, і ЛЕ розмовної мови (військовий жаргон) [1]. При цьому, у ситуації неформального спілкування, зменшеного соціального контролю військові терміни нерідко витісняються військовими професіоналізмами і жаргонізмами [1], к прикладу: *Вояки тушили огонь, потім прилетіли*

вертушки, *начали бить технику, стреляли только по коробочкам* [28]. В данном контексте жаргонизмы *вертушки* и *коробочки* употреблены вместо общеразговорного «вертолеты» и кодифицированного термина «БМП (боевая машина пехоты)» соответственно.

Характеризуя качественный состав синхронного военного жаргона, следует отметить, что вооруженный конфликт на Донбассе способствовал реактуализации целого ряда неформальных лексических элементов времен афганской кампании (1979–1989), которые вошли в широкий речевой обиход далеко за пределами сообщества бывших «афганцев». Это такие неологизмы, как печально знаменитые «груз 200 / двухсотые» (погибшие) и «груз 300 / трехсотые» (раненые), «черный тюльпан» (транспортные самолеты, перевозившие тела погибших советских военных на родину), а также «зеленка» («местность, покрытая растительностью» [47]), «вертушка», «духи» и пр., которые в основном были кодовыми обозначениями. Многие из тогдашних новообразований и сейчас широко используются обеими сторонами вооруженного конфликта на юго-востоке Украины, например: *Долго не удавалось найти тех, кто занимается «двухсотыми»...* [40]; *Трехсотый быстро оклемался и уже не нуждался в моей помощи* [69]; *На Донбассе бесславная «бригада-200» (уничтоженные боевики) пополнилась очередными двумя воинами т. н. «Л/ДНР»* [55]; *От дальней «зелёнки» доносится нарастающая пулемётная трескотня* [84]; *Сведения о трех сбитых вертушках не подтвердились* [57]; <...> *война в Украине не та !!! мол в Чечне они бегали за духами, а в Украине они духи и уже бегают за ними !!!* (нарекания сепаратиста – Ф. Ц.) [67] и др. Примечательно, что некоторые из подобных инноваций органично вошли в повседневный речевой обиход – вне ситуации профессиональной военной коммуникации, например: *Все чаще встречаются заброшенные дачные дома <...>. Также много «зеленки» – деревьев и кустов, за которыми теперь некому ухаживать* [19].

В корпусе современного военного жаргона можно выделить несколько тематических кластеров. Первым из них закономерно являются названия различных **видов вооружения, обмундирования, названия боевых позиций и военных специальностей**: *снайперка* (снайперская винтовка), *короткий* или *укорот* (АКСУ – автомат Калашникова складной укороченный), *бэтэр* (бронетранспортер), *броня* (БМП, боевая машина пехоты), *птицы* (самолеты), *труба* или «муха» (гранатомет), «сапог» (СПГ-9 «Копьё» – станковый противотанковый гранатомёт), *воги* (ВОГ-25/ВОГ-25П – выстрел осколочный гранатометный), *броник* (бронезилет), «*кикимора*» (маскхалаты для снайперов), *птурушки* (обслуга ПТУР – противотанковой

управляемой ракеты), «*грядки*» (в сленге российских военных – огневые позиции «Градov») (из перехвата телефонного разговора: [48]) и т. д., сравн.: *Пятёрочка* (позывной ополченца – Ф. Ц.) *со снайперки вёл огонь* [69]; *Птицы летают, правда последние дни все больше маленькие из-за туманов и обледенения на высоте* [34]; *я расчеховал трубу* (гранатомет – Ф. Ц.) *и направил в сторону ревущей брони* [69]; *я зачеховал обратно «муху»* [69]; *Потом укров угостили вогами* [57]; *он из «короткого» <...> двух укрупов завалил* [69] и т. д.

Среди лексических новообразований, возникших в ходе вооруженного конфликта на Донбассе, фиксируются и ЛЕ для обозначения специфических **топографических реалий**. Наряду с упомянутой выше «зеленкой», пришедшей из сленга участников боевых действий в Афганистане, в речи комбатантов на востоке Украины, военных корреспондентов, блогеров и уже в живом общении гражданского населения прифронтовой зоны широко употребляется топографический маркер *нуль* (так называют передовые посты) и производные от него *нулевка*, *нулевой* и фразема *на нуле*, сравн.: *Фронт, передовая или, как говорят солдаты, «нулевка», «ноль» – довольно сложное для жизни место* [50]; *Нулевой пост, дальше – «ничья» земля* [84]; *Селфиблогер побывал на передовой на самом нуле* [23]; *«отвезу через таможенню до «нуля», есть два места!» – перекрикивает его другой* (таксист – Ф. Ц.) [91] и т. п.

Топографической инновацией в результате вооруженного конфликта на Донбассе стала и фразема *за лентой / ленточкой*. Можно предположить, что она возникла по аналогии с выражением *за речкой*, появившимся во время пребывания советского военного контингента в Афганистане. Имеется в виду река Пяндж, которая течет практически по всей афганско-таджикской границе, и, соответственно, является естественным рубежом между Афганистаном и территорией бывшего СССР. В контексте вооруженного конфликта на Донбассе фразема «за лентой / ленточкой» используется для обозначения: а) участка российско-украинской границы, сравн.: *Безлера уже не было в городе – он был «за лентой»* (то есть в России – Ф. Ц.) [43]; *Власов: Где ты сейчас находишься? Грунчев: «Ленту» перешел* (из перехвата телефонного разговора российских офицеров, руководивших обстрелом украинского Мариуполя 24 января 2015 г.) [48]; б) линии разграничения между территорией, подконтрольной Украине, и Л/ДНР, сравн.: *Работа «за ленточкой»* (в Л/ДНР – Ф. Ц.), *они неоднократно попадали под обстрел* [53]; *Лекарства – это большой дефицит там, «за ленточкой»* (в Л/ДНР – Ф. Ц.) [81] и т. п.

К числу лексических инноваций, обозначающих топографические реалии и прочно

вошедших в языковой обиход, принадлежит фраза «серая зона» – образовавшаяся в результате соглашений «Минск-2» никем не контролируемая территория, нейтральная полоса между позициями ВСУ, с одной стороны, и сепаратистско-российских подразделений – с другой, сравн.: *Он (сотрудник спецподразделения СБУ «Альфа» – Ф. Ц.) погиб во время выполнения боевого задания в так называемой «серой зоне»* [64] и др. Показательным представляется также тот факт, что понятие «серой зоны» постепенно метафоризируется и выходит за пределы сугубо территориального понятия в общественно-политическую сферу, о чем свидетельствует, в частности, выступление известного украинского политолога В. Карасева, отметившего, что украинское общество «живет в *серой зоне* между правом и беззаконием» [25].

К тематической группе лексических инноваций, обозначающих топографические реалии, можно отнести и названия конкретных объектов, бои за которые стали самыми ожесточенными в войне на востоке Украины. Одним из них является *ДАП* – Донецкий аэропорт. Благодаря беспримерному мужеству и стойкости его защитников он превратился в национальный символ, «украинский Сталинград»: оборона этого стратегического объекта украинской армией и украинскими добровольческими батальонами продолжалась 242 дня, с 26 мая 2014 г. до 22 января 2015-го, сравн.: *До сих пор непонятно, как украинцы держались в ДАПе* [79]; *бандерофашисты мочат русский мир в ДАПе* [21] и т. п.

Еще одним широко известным новообразованием среди названий самых «горячих» точек войны на Донбассе является сленгизм «*промка*» – уже практически ставшее именем собственным обозначение промышленной зоны в прифронтовой Авдеевке в 6 км на север от Донецка, имеющей важное стратегическое значение, сравн.: *Это Промка. Здесь старые колдобины от снарядов зарастают, а рядом уже появляются новые. Это Промка. На территориях вдоль проводят гуманитарное разминирование, а здесь появляются новые минные заграждения <...>. Это тонны разбитого и заржавелого транспорта <...>. Да, это Промка* [31].

Следует отметить, что наряду с единицами профессионального сленга, кодовыми наименованиями, комбатанты используют и неологизмы-пейоративы, которые были рассмотрены нами выше. Так, к примеру, в перехвате СБУ полутораминутного телефонного разговора командующего группировкой российских оккупационных войск генерал-лейтенанта А. В. Гурулева и генерал-майора С. Ю. Кузовлева дважды употребляются уничижительные номинации, образованные от

лексемы «укроп» – «укропский» и «Укропия» [подробнее см.: 73].

Проанализированные нами контексты позволяют охарактеризовать основные пути формирования неологизмов, появившихся в результате вооруженного конфликта на юго-востоке Украины. В связи с этим отметим, что в современном языкознании в качестве общих моделей, по которым происходит обновление лексики, выделяются словообразование, заимствование, семантическая деривация, привлечение диалектизмов, использование просторечных слов, элементов разговорной речи и т. п. При этом традиционно ведущим считается **словообразование**, предполагающее, что новые слова «строятся по существующим в языке словообразовательным моделям, поскольку основным способом обогащения словарного состава языка на протяжении всей истории его развития является образование новых слов на базе имеющегося в языке строительного материала» [3, с. 218].

Проанализированные нами лексические инновации, возникшие в результате вооруженного конфликта на юго-востоке Украины, позволяют утверждать, что одним из наиболее приоритетных способов образования новых слов (22 %) является морфологическое словообразование путём **сложения** двух (или нескольких) **слов, основ** производящих **слов** с соединительной гласной или без нее, например: *Отходившие нацады постреливали в нашу сторону* [69]. Таким же способом образованы такие неологизмы как *укрОфашисты*, *правОсеки* (представители украинской Национал-патриотической организации «Правый сектор»), *бандерОфашисты*, *мехводы* (механики-водители – Ф. Ц.) и пр.

К этому же виду можно отнести и оскорбительно-уничижительные номинации *укропитек* и *майданопитек*, образованные по модели лексемы «австралопитек» (от лат. *australis* «южный» + др.-греч. *πίθηκος* «обезьяна» – род приматов, занимающих по своему строению промежуточную ступень между обезьяной и человеком), сравн.: *ДНР и ЛНР не обстреливают жилые кварталы, как укропитеки это делают* [44]; *В субботу после победы над Россией хорватский (футбольный – Ф. Ц.) защитник Вида, как недобитый майданопитек, вдруг проорал на весь Интернет: «Слава Украине!»* [77].

Путем сложения основ образованы и некоторые уничижительные топонимы-неологизмы времен российско-украинского вооруженного конфликта. Так, топоним *Хохлостан* возникает в результате объединения экзонима *хохол* – пренебрежительного названия украинцев, используемого на бытовом уровне жителями России и Беларуси, и форманта индоиранского происхождения *-стан* (в современном значении «страна, земля, место, область»), входящего в название многих стран и

регионов, особливо в Центральній Азії і на Індійському субконтиненті, де історично використовувалися персидський і родствених йому мови [18]. По тій же моделі, але з використанням германського кореня *-land*, утворено топонім *Хохландія*, а також *Хохланд*. В останньому випадку негативно-оцінний ефект посилюється завдяки повній омофонії з назвою бренду німецького концерну з виробництва сиру *Hochland*. По аналогічній моделі утворено і производні від назви держави Україна, що принижують топоніми *Укрляндія* і *Укростан*, а також *Укруанда*, порівн.: *Тут сплошняком русские люди, <...> котрым укрляндія сидит в печенках все 23 года ее убогого существования* [57] і т. п.

Одним з найбільш агресивно-маркованих і образливих є утворений шляхом складання основ топонім-неологізм *Лугандон* (Луганск+Донецк), созвучний вульгарному, фонетично спотвореному російськомовному варіанту англійської кодифікованої лексики «condom».

Серед лексических інновацій, що з'явилися на фоні російсько-українського озброєного конфлікту на Донбасі, зустрічаються ЛЕ, утворені шляхом злиття кількох цілих слів. Найбільш відомим з них є сконструйований з трьох різних частин мови неологізм-спраження «*ихтамнет*», який набув такі морфологічні ознаки іменника, як число і змінюваність. Широко вжитий не тільки в контексті воєнного протистояння на півночі України, але і в інших регіонах світу і завдяки цьому проникший в англійську мову (*ihtamnet*), даний неологізм, по справедливому зауваженню К. Туркової, давно став позначенням прихованого воєнного присутства Росії в різних країнах, «кратким змістом офіційної позиції», яка завжди включалася в повне або часткове заперечення присутства російських військ на території тієї або іншої країни [58], порівн.: *Оттуда на український Юго-восток хлынут передовые отряды путинской гибридной войны: провокаторы, боевики, ихтамнеты* [88]; *С нами (в ДАПе – Ф. Ц.) работала группа русских госпитальеров, которые знали приблизительно, где находятся трупы ихтамнетов* [79]; *Путинский «ихтамнет» на Донбассе откровенно высказался о преимуществе ВСУ* [66]; *В Сирии погибли путинские «ихтамнеты»: в России еще раз откристились* [29]; *Вчера ихтамнеты путинской ОПГ нанесли авиаудар по дислокации турецких военных в сирийской провинции Идлиб* [72]; *Как «ихтамнеты» хотели у курдов завод отжать и как их не стало* [54]; *Турция дала по зубам путинским «ихтамнетам»* [46] і т. п.

В сучасному воєнному сленгу слід відзначити також широке використання **усечення основ**, що повністю пояснюється переважаючим неформальним спілкуванням і наявністю багатьох критических ситуацій, порівн.: *Снайпера работают, арта работает на подавление и ведет контрбатарейную работу* [34]; *Это укорот* (від «укорочений» – Ф. Ц.) *под семерку – <...> вполне нормальный автомат* [20] і т. п.

Принцип усечення основ, по нашому думанню, став визначальним і для з'явлення етноніма *укр*. В обході донбасеских сепаратистів ця лексическа інновація з'явилася, як нам представляється, в результаті редукції лексики «українець» для економії мовних зусиль, подібно тому, як в ході воєнних дій на Кавказі в середі російських військовиків з'явився неологізм «чехи» – для більш зручного позначення чеченських бійців [63], порівн.: *И тут как назло объявились «чехи», дуранули очередь из-за «зеленки»* [82] і *Укры держались, хотя даже нам было непонятно, как они физически это выдерживали* [79].

В цьому плані інтерес представляє лексема *сепар*, утворена шляхом усечення основ кодифікованого політичного терміна «сепаратист» і ставши, в свою чергу, виробничою основою для її дериватів – прикметного *сепарський* і збірничого іменника *сепарня*, утвореного при допомозі пренебрежительно розмовного суфікса *-н(я)*, порівн.: *вокруг наших <...> вырастают клубы дыма – это бьет миномётны «сепаров»* [84]; *Благодаря самоотверженной работе минометчиков <...> «сепарня» надолго запомнит зиму и лето 2019* [70]; *Монолог прерывается воющим скрежетом и громом – это отработал «сепарский» <...> «Град»* [84] і т. п.

При допомозі цього ж суфікса утворено і збірничий іменник *фашия* [фашисты], порівн.: *Джигиты (т. е. чеченцы-кадыровцы – Ф. Ц.) приехали по-братски помочь убивать фашию* [69].

Слід відзначити також широке використання в воєнному сленгу афіксів для утворення нових слів (21%), в частині, суфіксів-регуляторів: *-к-а*, *-н-ик*, *-ок* і др., які, будучи вільними від якоїсь оцінки, вказують на належність того або іншого слова до розмовного стилю і служать, головним чином, для економії мовних зусиль, використовуючись як синоніми достатньо громоздких кодифікованих термінів (частіше всього, поєднання прикметного з іменником), позначальних назви технічних або інших матеріальних реалій або об'єктів, наприклад: *взлётка* (взлітно-посадочна смуга), *нейтралка* (нейтральна смуга), *«стрелковка»* (стрілецьке зброя), *подствольник* (підствольний гранатомет ГП-25 – Ф. Ц.), *броник* (бронежилет), *передок* (передова, передовий

блокпост), *опорник* (опорный пункт) и т. д., сравн.: *Начался же эпохальный бой с одной-единственной гранаты из **подствольника*** [57]; *Обстрел продолжается... стороны применяют калибры от 122 мм до **стрелковки*** [68]; *Взлетка завалена сожженными танками, броневиками.* [80]; *Два дня назад неизвестные **птуруцики** <...> с одного выстрела уничтожили передовой **опорник** сепаратистов* [36] и т. п.

Нередко образование неологизмов происходит префиксальным способом, в частности, уничижительные номинации образуются при помощи приставки недо-: *недоострана, недоармия, недоармия, недонарод*. Например: *Правда, **штурмовать** выходило так себе – «недоармия» «недоостраны» косила наших бойцов пачками* [80] и т. п.

Изучение лексических инноваций, возникших в результате вооруженного конфликта на Донбассе, свидетельствует о том, что наряду со словообразованием, самым приоритетным способом образования лексических неологизмов является изменение значения уже существующих в языке слов – **семантическая деривация** (25%). Так, к примеру, на жаргоне донбасских боевиков *сомалийцы* – не жители государства Сомали, а члены батальона «Сомали» под руководством впоследствии уничтоженного украинскими спецслужбами полевого командира «Гиви»; *спартанцы* – члены батальона «Спарта» под руководством полевого командира «Мотороллы», которого постигла та же участь, что и «Гиви»; *«биатлонистки»* – девушки-снайперы (прицельная стрельба из мелкокалиберной винтовки входит в этот вид спорта); *«слепые»* – ироническая номинация наблюдателей ОБСЕ, которые тщательно фиксируют нарушения с украинской стороны, но предпочитают «не замечать» нарушений Минских соглашений со стороны ЛДНР; *грушки* – ГРУшники, сотрудники Главного разведывательного управления России и т. д., сравн.: *В новом терминале **спартанцев** оставалось человек тридцать* [69]; *После падения ДАПа, когда руины здания еще не остыли, приехали «слепые» в аэропорт* [79]; *Не был известен её позывной, загадочную «биатлонистку» никто не видел* [69] и т. д.

Согласно наблюдениям А. Бойко, семантическая деривация нередко сопровождается дегуманизацией [9]. При этом, как справедливо отмечает Ф. Я. Хабибуллина, понять значение таких лексических новообразований бывает весьма трудно [10]. Например: *Эта передовая позиция называется «Туман» <...> Тут до **немцев** не больше километра. Ну, до **украинцев**. Мы в полукольце. Если **немцы** пойдут в наступление, выбраться отсюда нам будет очень непросто* [36]. Как видим, в данном контексте семантическая деривация проявляется как переосмысление значения этнонима «немцы».

Аналогичный случай встречаем и в следующих фрагментах: *«Мост нужно отремонтировать, чтобы <...> **фашистов** этих здесь не было, **галичан**», – заявила она* (жительница Станицы Луганской, находящейся на неподконтрольной Украине территории, – Ф. Ц.) [32]; *Ополченцы выследили **нацистов**, запустили в их сторону ракету ПТУР «Фагот»* [89] и т. п.

Поскольку для населения постсоветского пространства слово «фашист» ассоциируется прежде всего с немецко-фашистскими захватчиками, вторгшимися на территорию СССР в июне 1941 года, то понять, что в данном случае речь идет об украинских военных, воюющих на Донбассе, можно только из контекста.

Яркой тенденцией к дегуманизации отмечена и лексема *бандерлоги* – название вымышленного обезьяньего народа в романе Р. Киплинга «Книга джунглей» (1894). Войдя в массовое сознание жителей СССР благодаря знаменитому мультфильму Р. Давыдова «Маугли» (1968; фильм 2-й «Похищение»), снятому по книге Киплинга, он сразу же приобрел множество переносных значений, в частности, семантику некультурности, крикливости, агрессии, зафиксированных в специальных словарях, к примеру, в словаре В. С. Елистратова – «шумная, бестолковая компания, крикливая толпа» [37, с. 32]. В контексте российско-украинского конфликта пейоратив «бандерлоги» приобрел новое переносное значение – так стали называть украинцев (особенно из западных регионов) по созвучию с именем лидера и организатора движения украинских националистов на Западной Украине Степана Бандеры (1909–1959), сравн.: *Толпы **бандерлогов** верещат и под зданием одесского обл УВД, и на Банковой в Киеве* [61] и т. д.

Путем изменения привычных значений уже существующих слов возникают отмеченные негативными коннотациями неологизмы *военторг* и *отпускники*. Мем «военторг» в его нынешнем – ироническом – значении был введен в широкий речевой обиход В. Путиным: отвечая на вопрос журналистов о том, почему форма «местной самообороны» Крыма похожа на российскую, президент РФ заявил, что войска, оккупировавшие украинские части в Крыму, не являются российскими, а форму можно купить в любом военторге [65]. После этого заявления главы РФ понятие «(путинского) военторга» стало эвфемизмом для обозначения незаконных поставок Россией через неконтролируемые участки украинской границы вооружения и бронетехники для ведения российско-сепаратистскими войсками боевых действий против Украины, сравн.: *путинский **военторг** поставил в ОРДЛО 1500 тонн ГСМ и 21 вагон боеприпасов* [26]; *В «котлах» Донбасса **заработал «военторг»*** [27] и т. п.

Еще одной лексической инновацией, возникшей в результате приобретения нового

смысла, стало выражение «северный ветер», который также используется как эвфемизм военной помощи России донбасским сепаратистам.

Приобретением нового смысла характеризуется и слово «отпускники» – иронический мем, возникший вследствие усилий российской стороны скрыть присутствие своих военных на Донбассе. Он используется для обозначения кадровых российских военных и контрактников, которым РФ разрешает «проводить отпуск» на Донбассе, чтобы поддерживать «народные республики», сравн.: именно «отпускники» атаковали украинские части на южном направлении и вышли к Мариуполю [42]; даже если предположить, что «отпускники» зашли бы при таком развитии ситуации в те же самые сроки – до середины августа мы бы в Славянске не продержались [30] и т.п.

Отметим, что способом семантической эволюции уже существующих в языке слов во многих случаях является **метафоризация**. Ярким примером изменения значения слова по принципу метафорического переноса является лексема *киборг*. До начала вооруженного противостояния на юго-востоке Украины данный термин употреблялся лишь в значении «кибернетический организм» и в массовом сознании ассоциировался с механически-человеческим гибридом а-ля Терминатор (Арнольд Шварценеггер) из одноименного американского фильма; после поста в Фейсбуке одного из «днровцев» («Я, блин, не знаю, кто защищает донецкий аэропорт, но мы их три месяца выжить не можем. Пробовали штурмовать – нам таких вломил <...>. Я не знаю, кто там сидит, но это не люди – это *киборги*» [80]) оно буквально «прилипло» к защитникам аэропорта, превратившись в символ мужества, воинской доблести, стойкости, сравн.: Оказавшись в окружении, *киборги* не спешили сдаваться [60] и т.п.

Интересный пример семантической эволюции в результате метафоризации является номинация «страна 404», берущая свое начало от термина из сферы ИТ «ошибка 404», обозначающего, что ссылка ведет на несуществующую электронную страницу или ресурс [76]. В геополитической перспективе метафора «страна 404» позиционирует Украину как государственное образование, «которого нет». Недаром представители российской политической элиты в своих многочисленных заявлениях характеризуют Украину как «недогосударство» (см., в частности, выступление В. Жириновского на канале «Россия – 1» [37]).

Весьма часто с целью экономии речевых усилий или сохранения секретности информации (кодовые наименования) используется и **метонимия**. Метонимический перенос может проявляться как: 1) замена функции названием

органа, который обеспечивает реализацию этой функции, к примеру, «глаза/глазки» – выставленные на передовой наблюдатели, отслеживающие все перемещения противника, а также корректировщики огня на территории противника, сравн.: Пономаренко: «Я ж тебя просил, есть „глазки“» [48]; 2) замена предметной реалии названием материала, из которого он сделан, например: *броня* – «бронетранспортер, боевая машина пехоты» [47]; *цинк* – цинковый гроб для транспортировки погибшего и др., сравн.: На *броню* сразу село много ополченцев из разных подразделений [69]; В результате *броня* сгорела от выстрела РПГ [57]; Сейчас, если едут кого-то забирать, *цинк* берут свой, <...> нам сразу заказали <...> 30 *цинков* [40]; 3) замена названия боевого оружия именем его создателя или названием модели, например, *Стечкин* (вместо «автоматический пистолет Стечкина», АПС – Ф. Ц.), сравн.: Тогда Тихий и открыл по ним огонь со *Стечкина* [69] и т.п.

Следует отметить, что характерной особенностью «языка ненависти», оформившегося в ходе вооруженного конфликта на юго-востоке Украины, являются **гиперо-гипонимические ряды**, которые включаются в пространство информационной войны и становятся разновидностью манипуляции [71]. К примеру: *хунта* – украинская, нацистская, киевская и т. д.; *каратели* – киевские, украинские, цепные, каратели ВСУ, каратели добробатов и т. д., сравн.: Но все же им не удалось избежать встреч с украинскими *карателями* [74]; *Нацистская киевская хунта в панике: русские бомбардировщики отработали удар по бандам хунты* [56] и пр.

Лексические неологизмы, появившиеся в ходе вооруженного конфликта на юго-востоке Украины, нередко возникают в результате использования **нестандартных номинативных техник**, в частности, **частичной** или **полной омофонии**. Яркими примерами такой фонетической игры являются оскорбительные номинации *майдауны* и *даунбас*, возникающие вследствие созвучности топонимов «Майдан» и «Донбасс» со сленгизмом «даун», использующимся для номинации глупых, тупых людей и семантически восходящим к медицинскому термину «синдром Дауна» – названию неизлечимой врожденной болезни, сопровождающейся слабоумием; номинация *галицай*, негативный оценочный потенциал которой возникает вследствие языковой игры — уподобления фонетического облика этнонима «галичанин» лексеме «полицай» (так в период Великой Отечественной войны 1941–45 гг. на временно оккупированных территориях СССР прездирительно называли местных жителей, служивших в фашистской полиции).

Интересным примером спонтанного речетворчества является широко известный

неологизм *укроп*, изначально используемый донбасскими повстанцами как негативно-оценочная номинация проукраинского сообщества и тех, кто воюет на стороне Украины, сравн.: *Парни говорят, что укропы стоят в 2 километрах перед их позициями* [57] и др. Как и в предыдущих примерах, способом создания негативной оценочности является по преимуществу, омофония, в данном случае – с названием растения. На его основе образовано прилагательное *укропский*, топоним *Укропия*, а также выражение *косить / крошить укроп* (то есть «убивать украинцев»), например: *встречал кадровых военных из РФ и «добровольцев», которые ехали на Донбасс лишь с одной целью – «покрошить укроп» или – «пострелять хохлятину»* [79].

Еще одним способом обновления словарного состава языка являются инновации-**заимствования**, т. е. «слова и выражения, перенесенные из одного языка в другой, где они усваиваются в соответствии с его фонетическими и грамматическими законами» [3, с. 219]. Рассматривая иноязычные лексемы как важную составляющую неологического процесса, Е. Н. Шагалова в предисловии к своему словарю отмечала, что заимствованные лексемы становятся привычными для слуха, перестают писаться в кавычках, обретают устойчивый графический облик, начинают употребляться образно, что свидетельствует об их укоренении в русском языке [13]. Несмотря на то, что в словаре Е. Н. Шагаловой речь идет об англоязычных заимствованиях, все сказанное относится и к украинизмам, вошедшим в широкий обиход в русском языке под влиянием событий на Майдане и последующего вооруженного конфликта на юго-востоке Украины: *Незалежная* (как название страны от часто повторяемого в речах украинских политиков определения «Незалежна [то есть Независимая] Україна»), *самостийная*, *самостийныки*, *нэнька* (как часть выражения «ненька-Україна» – «матушка-Украина»), *перемога* (победа), *зрада* (измена), *свідомый* (сознательный) и его уничижительный жаргонный вариант *свідомит* и др., сравн.: *Незалежная* миновала семидневный рубеж с момента подписания президентом Петром Порошенко указа от 26 ноября 2018 года [62]; *Я прекрасно отношусь к обычным гражданам Украины. Даже к тем, кто говорит на мове* [45]; *С передачей пленных карателей в*

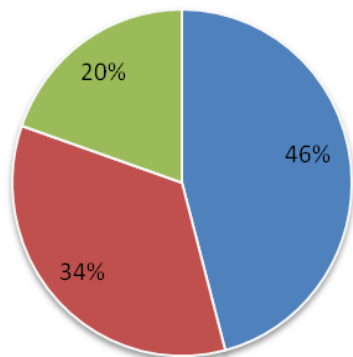
нэньку тоже вышло нехорошо [41]; *Накал, с которым Свідомиты нападают на Россию, прямо пропорционален собственным неудачам в политике и экономике* [87] и т. д.

В потоке украинизмов, проникших в русский язык вследствие военно-политических потрясений в Украине, особо негативной оценочностью и едкостью отличаются лексические инновации, образованные от слияния отдельных слов в цельную ЛЕ, как, например, *жовтоблакитники* (от сложного колоратива «жовто-блакитний» – «желто-голубой»), цвета государственного флага Украины), *щенемерлики* (некорректное производное от первой строчки украинского гимна «Ще не вмерла України ні слава, ні воля») и т. п., например: *Щенемерлик, ты с какой Россией воюешь?* [86].

Выводы. События, происходящие на юго-востоке Украины, начиная с марта 2014 г., существенно изменили привычную картину мира сторон-участниц данного конфликта, привели к новой интерпретации действительности, возникновению новых ментальных конструктов, объективируемых в языке при помощи целого ряда лексических инноваций, большая часть которых подпадает под определение «языка ненависти». Приоритетными в этом плане являются оскорбительно-уничижительные номинации представителей противоположного лагеря с учетом их мировоззренческих / идеологических, национальных / этнических, территориальных / региональных характеристик. Значительное обновление претерпел и военный жаргон, вобравший в себя не только реактуализированные ситуацией сленгизмы эпохи афганской кампании 1979-89 гг., но и лексические инновации, обусловленные военно-политическими реалиями текущего вооруженного конфликта на Донбассе. Образование неологизмов происходит в соответствии с существующими в русском языке способами (словообразование, семантическая деривация, заимствования). При этом используются также нестандартные словообразовательные техники (языковая игра, омофония и др.).

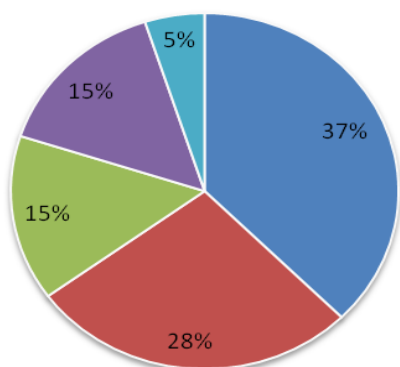
В данной статье проанализированы главным образом зафиксированные на данный момент именные группы. Однако речетворчество – это перманентный процесс, поэтому перспективы исследования связаны с изучением потенциальных лексических инноваций, в том числе и принадлежащих к другим частям речи.

1. Процентное соотношение лексических инноваций по тематическим кластерам

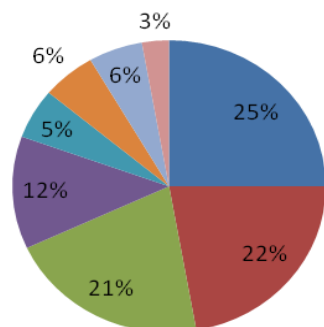
- ЛЕ, акцентирующие особенности мировоззренческо-идеологических приоритетов враждующих сторон
- Принадлежность к тем или иным государственным или квази-государственным образованиям, институтам власти

2. Процентное соотношение тематических кластеров военного сленга

- Вооружение
- Топографические маркеры
- Боевые потери
- Военные специальности и миссии
- Обмундирование

3. Процентное соотношение лексических инноваций по словообразовательным моделям

- Семантическая деривация
- Сложение основ, частей или целых слов
- Суффиксальный и префиксальный
- Заимствования
- Усечение основы

Литература

1. Бойко Б. Л. Военная лексика в речевом общении. *Вопросы психолінгвістики*. 2015. № 3 (25). С. 44-53.
2. Валгина Н. С., Розенталь Д. Э., Фомина М. И. Современный русский язык: учебник / под редакцией Н. С. Валгиной. 6 изд., перераб. и доп. Москва: Логос, 2002. 528 с.
3. Вендина Т. И. Введение в языкознание: учеб. пособие для педагогических вузов. Москва, Высшая школа, 2001. 288 с.
4. Как определяется в международном гуманитарном праве термин «вооруженный конфликт»? URL: <https://www.icrc.org/ru/download/file/51020/armedconflictdefinition.pdf> (дата обращения: 10.10.2020).
5. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. Москва: Наука, 1968. 208 с.
6. Лазарев В. «Сели и договорились!» Как в серой зоне видят мир на Донбассе после «нормандской четверки». *Фокус*, 12. 09. 2019. URL: https://focus.ua/politics/446019-territoriia_neopredeljonnosti (дата обращения: 15.10.2020).
7. Реформатский А. А. Введение в языковедение. Москва: Аспект Пресс, 1996. 536 с.
8. Русский язык на Украине. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 16.10.2020).
9. Тимошенко Д. Военные действия и «язык вражды» – неразрывные понятия – эксперт. Радио Свобода, 07. 12. 2017. URL: <https://www.radiosvoboda.org/a/donbass-realii/28902620.html> (дата обращения: 12.10.2020).
10. Хабибуллина Ф. Я. Лексикографическое описание современной французской и русской политической неологии. *Вестник Марийского госуд. ун-та*. 2016. Т. 10. № 2 (22). С. 92–100.
11. Хабибуллина Ф. Я., Иванова И. Г. Региональный конфликт как источник пополнения политического корпуса лексических единиц типологически неродственных языков. *Филология и культура. Philologie and culture*. № 2 (40). К(П)ФУ, Казань, 2015. С. 132–141.
12. Цыганенко Г. П. Состав слова и словообразование в русском языке. Киев: Радянська школа, 1978. 255 с.
13. Шагалова Е. Н. Предисловие. *Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века*. Около 1500 слов. Москва: АСТ-Пресс, 2017. С. 3–11.
14. Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1968. С.75–205.
15. Фіялка С. Мова ворожнечі на сторінках проросійських інтернет-медій у соціальних мережах. *Інформаційне суспільство*. 2016. Вип. 24. С. 15–21.
16. Яворська Г. Мова війни як складова конфлікту (шляхи трансформації українського медійного дискурсу). *Стратегії трансформації і превенції прикордонних конфліктів в Україні. Збірка аналітичних матеріалів*. Львів: Галицька видавнича спілка, 2015. С. 366–398.
17. Язык вражды. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 18.10.2020).

References

1. Bojko B. L. Voennaja leksika v rechevom obshhenii. *Voprosy psiholingvistiki*. 2015. № 3(25). S. 44-53.
2. Valgina N. S., Rozental' D. Je., Fomina M. I. *Sovremennyj russkij jazyk: uchebnik / pod redakciej N. S. Valginnoj*. 6 izd., pererab. i dop. Moskva: Logos, 2002. 528 s.
3. Vendina T. I. *Vvedenie v jazykoznanie: ucheb. posobie dlja pedagogicheskikh vuzov*. Moskva, Vyssh. shk., 2001. 288 s.
4. Как определяется в международном гуманитарном праве термин «вооруженный конфликт»? URL: <https://shhshhshh.icrc.org/ru/doshhload/file/51020/armedconflictdefinition.pdf> (data zvernennia: 10.10.2020).
5. Krysin L. P. Inozazychnye slova v sovremennom russkom jazyke. Moskva: Nauka, 1968. 208 s.
6. Lazarev V. «Seli i dogovorilis'!» Kak v seroj zone vidjat mir na Donbasse posle «normandskoj chetverki». *Fokus*, 12. 09. 2019. URL: https://focus.ua/politics/446019-territoriia_neopredeljonnosti (data zvernennia: 15.10.2020).
7. Reformatckij A. A. *Vvedenie v jazykovedenie*. Moskva: Aspekt Press, 1996. 536 s.
8. Russkij jazyk na Ukraine. URL: <https://ru.shhikipedia.org/shhiki> (data zvernennia: 16.10.2020).
9. Timoshenko D. Voennye dejstvija i «jazyk vrazhdy» – nerazryvnye ponjatija – jekspert. Radio Svoboda, 07. 12. 2017. URL: <https://shhshhshh.radiosvoboda.org/a/donbass-realii/28902620.html> (data zvernennia: 12.10.2020).
10. Habibullina F. Ja. Leksikograficheskoe opisanie sovremennoj francuzskoj i russkoj politicheskoi neologii. *Vestnik Marijskogo gosud. un-ta*. 2016. T. 10. № 2(22). S. 92–100.
11. Habibullina F. Ja., Ivanova I. G. Regional'nyj konflikt kak istochnik popolnenija politicheskogo korpusa leksicheskikh edinic tipologicheskii nerodstvennyh jazykov. *Filologija i kul'tura. Philologie and culture*. № 2 (40). K(P)FU, Kazan', 2015. S. 132–141.
12. Cyganenko G. P. *Sostav slova i slovoobrazovanie v russkom jazyke*. Kiev: Rad. shk., 1978. 255 s.
13. Shagalova E. N. *Predislovie. Samyj novejšij tolkovyj slovar' russkogo jazyka XXI veka*. Okolo 1500 slov. Moskva: AST-Press, 2017. S. 3–11.
14. Shanskij N. M. *Oчерки по русскому словообразованию*. Moskva: Izd-vo Mosk. un-ta, 1968. S.75–205.
15. Fiyalka S. *Mova vorozhnechi na storinkax prorosijs'ky`x internet-medij u social'ny`x merezhax*. *Informacijne suspil'stvo*. 2016. Vy`p. 24. S. 15–21.
16. Yavorska G. *Mova vijny` yak skladova konfliktu (shlyaxy` transformaciyi ukrajins'kogomedijnogo dy`skursu). Strategiyi transformaciyi i prevenciyi pry`kordonny`x konfliktiv v Ukraini. Zbirka analy`chny`x materialiv*. L`viv: Galy`cz`ka vy`davny`cha spilka, 2015. S. 366–398.
17. Jazyk vrazhdy. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (data zvernennia: 18.10.2020).

Источники иллюстративного материала

18. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Том 3. Ленинград: Наука, 1979. URL: <https://www.twirpx.com/file/260450/> (дата обращения: 18.10.2020).
19. Авдеевская «промка»: Как выглядит одна из самых горячих точек на Донбассе (Фото) . URL: <https://dnews.dn.ua/news/722789> (дата обращения: 18.10.2020).
20. АК-104. URL: <https://kerzak-1.livejournal.com/3263397.html> (дата обращения: 18.10.2020).
21. Бабченко А. И/ все это разносится по миру посредством голливудского режиссера, которому заплачено лямбы баксов. URL: <https://atr.ua/ru/publications/172274> (дата обращения: 18.10.2020).
22. Бабченко А. Война в Грузии. Первые ихтамнеты, вранье и много трупов. URL: <https://atr.ua/publications/177221> (дата обращения: 18.10.2020).
23. Блогер «слил» передовые позиции ВСУ в интернет. Штаб ООС проводит проверку. Портал «internetua», 25 мая 2018. URL: <https://internetua.com/> (дата обращения: 18.10.2020).
24. Большая война на Донбассе начнется в ближайшее время. Что делать России? (06. 03. 2018). URL: <https://omchanin.livejournal.com/2382905.html> (дата обращения: 18.10.2020).
25. Вадим Карасев в программе «СОЛЮ» на 112, 26. 02. 2020. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=iKVMGDoULVU> (дата обращения: 18.10.2020).
26. «Весеннее перемирие»: путинский военторг поставил в ОРДЛО 1500 т ГСМ и 21 вагон боеприпасов, – ИС. Информационное сопротивление, 15. 03. 2019. URL: https://sprotyv.info/news/...fbclid=IwAR1DPpnKflm5_EdtJD6BOnOoS11RWrlDajeOhqWOn4puZUY2Ybav_PRpsE (дата обращения: 18.10.2020).
27. В «котлах» Донбасса заработал «военторг». Комсомольская правда. Россия, 05. 09. 2014. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=htJYHMfgWVU&feature=youtu.be> (дата обращения: 18.10.2020).
28. Вот так расстреливали блокпост у села Благодатное с помощью вертолетов Ми-24. URL: <https://pikabu.ru/story/...2299516> (дата обращения: 18.10.2020).
29. В Сирии погибли путинские «ихтамнеты»: в России еще раз открестились. Главред, 05. 09. 2019. URL: <https://glavred.info/world/10101638...html> (дата обращения: 18.10.2020).
30. Гиркин рассказал, как российские «отпускники» спасли боевиков от разгрома. Главред, 20. 11. 2014. URL: <https://glavred.info/politics/296159...html> (дата обращения: 18.10.2020).
31. Гуманитарное разминирование и новые минные поля: Как выглядит промзона под Авдеевкой (Фото). Донецкие новости. 19. 07. 2014. URL: <https://dnews.dn.ua/news/721624> (дата обращения: 18.10.2020).
32. «Делайте мост, чтобы транспорт ходил и этих фашистов-галичан здесь не было», – жительница оккупированного Луганска на КПВВ «Станица Луганская». Видео. Цензор.нет, 24. 07. 2019. URL: https://censor.net.ua/video_news/3139371/ (дата обращения: 18.10.2020).
33. Дзыгвобродский Д. От Да дзи. URL: <https://gmorder.livejournal.com/1977632.html> (дата обращения: 18.10.2020).
34. Доник Р. Армия воюет. Активно и результативно. Хотя и не может, из-за политики, об этом говорить вслух. URL: site.ua > skitalec (дата обращения: 18.10.2020).
35. Духи. URL: kunduz783.com > dukh (дата обращения: 18.10.2020).
36. «Ежики в тумане»: российские журналисты «засветили» позицию боевиков «ДНР». STYLER. Жизнь 05. 07. 2018. URL: <https://styler.rbc.ua/rus/zhizn/...1530775487.html> (дата обращения: 18.10.2020).
37. Елистратов В.С. Словарь московского аргю : (Материалы 1980-1994 гг.): Около 8 000 слов, 3 000 идиомат. выражений. Москва: Русские словари, 1994. 700 с.
38. Жириновский: Украина – это Недогосударство! Россия – I, 13. 06. 2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=67u7SsV6Lpw> (дата обращения: 18.10.2020).
39. Игнатов Г. Варварский обстрел Донецка – результат провокации нацистов из ДУК ПС. Журналистская правда, 17. 06. 2019. URL: <https://jgazeta.ru/> (дата обращения: 18.10.2020).
40. Ильченко А. Куда попадают погибшие в зоне АТО и как хранят «Груз 200». Сегодня, 09. 09. 2014. URL: <https://www.segodnya.ua/lifestyle/fun/...550651.html> (дата обращения: 18.10.2020).
41. Имплементация модальностей. URL: <https://donrf.livejournal.com/tag/%D0%94%D0%9D%D0%A0> (дата обращения: 18.10.2020).
42. Интервью с Игорем Ивановичем Стрелковым-1. URL: <https://donrf.livejournal.com/tag/> (дата обращения: 18.10.2020).
43. Интервью с Игорем Ивановичем Стрелковым-2. URL: <https://donrf.livejournal.com/tag/> (13. 03. 2019) (дата обращения: 18.10.2020).
44. Йеменские хуситы атаковали два саудовских международных аэропорта. Военное обозрение, 16. 06. 19. URL: <https://topwar.ru/159098-1> (дата обращения: 18.10.2020).
45. Камакин А. Игорь Стрелков: «Рано или поздно эта война перейдет в горячую стадию». Московский комсомолец. Россия, 15. 08. 2019. URL: https://www.mk.ru/politics/2019/08/15/...html?utm_sour (дата обращения: 18.10.2020).
46. Катарина К. За шаг до войны: как Турция дала по зубам путинским «ихтамнетам». Время. Итоги недели, 03. 05. 2020. URL: <https://www.5.ua/ru/myt/...209974.html> (дата обращения: 18.10.2020).
47. Коровушкин В. П. Словарь русского военного жаргона: нестандартная лексика и фразеология вооружённых сил и военизированных организаций Российской империи, СССР и Российской Федерации XVIII–XX веков. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 372 с.
48. Крутов М. Обстрелом Мариуполя руководили военные РФ – Bellingcat. URL: <https://bitva.wiki/ru/news/text/3515> (дата обращения: 18.10.2020).
49. Крымская В. Кастрюлеголовые... или почему Украина должна исчезнуть (31.05.2018). URL: <https://cont.ws/@violakrim/961621> (дата обращения: 18.10.2020).

50. Лелявский Ю. АТО: война нашего поколения или последняя война за свободу? URL: <https://zik.ua/ru/news/2018/01/17/...1246667> (дата обращения: 18.10.2020).
51. Лискович М. Дрожи, сепарня, – полк «Азов» возвращается на линию фронта. URL: <https://www.ukrinform.com/rubric-politics/2633712> (дата обращения: 18.10.2020).
52. Лугандон-2014 и Киев-2018. Не перепутайте! 13. 02. 2018. URL: <https://tvrezo.info/post/43659> (дата обращения: 18.10.2020).
53. Миссия «Эвакуация-200», которую организовал криворожанин Ярослав Жилкин: Те, кто видел смерть, как никто другой, умеют ценить жизнь. URL: <http://krlife.com.ua/news/> (дата обращения: 18.10.2020).
54. Михайленко М. Евфратский котел. *Деловая столица*, 15. 02. 18. URL: <https://inosmi.ru/military/20180215/241474252.html+&cd=66&hl=uk&ct=clnk&gl=ua> (дата обращения: 18.10.2020).
55. На Донбассе в «бригаде-200» новое пополнение: подорвались еще два боевика. *Сегодня*, 17. 12. 2018. URL: <https://www.segodnya.ua/regions/donetsk/> (дата обращения: 18.10.2020).
56. Нацистская киевская хунта в панике: русские бомбардировщики отработали удар по бандам хунты 22. 03. 2018. URL: <https://zampolit-ru.livejournal.com/11341553.html> (дата обращения: 18.10.2020).
57. Новороссия. Восставшая из пепла. Сборник статей / Сост. С. Плеханов. Litres, 2017. URL: <https://books.google.com.ua/books> (дата обращения: 18.10.2020).
58. Новости новорусского: после ихтамнетов. URL: <https://trim-c.livejournal.com/2743558.html> (дата обращения: 18.10.2020).
59. Носиков Р. На Киев. *Однако*. URL: <http://www.odnako.org/blogs/na-kiev/comments/page-4/> (дата обращения: 18.10.2020).
60. Пегов С. Бой за Донецкий аэропорт. Спартанцы против киборгов. URL: <https://life.ru/p/962588> (дата обращения: 18.10.2020).
61. Плисюк И. Киплинг был провидцем: Визг напуганных бандерлогов стоит над Украиной. URL: <https://www.politnavigator.net/...html+&cd=9&hl=uk&ct=clnk&gl=ua> (дата обращения: 18.10.2020).
62. Порошенко заявил о сосредоточении войск РФ вблизи украинской границы и обратился к НАТО за помощью. URL: http://www.ng.ru/editorial/2018-12-02/2_7453_red.html (дата обращения: 18.10.2020).
63. Почему боевиков называют дүхами? *Портал «История войны»*, 05. 01. 2019. URL: https://zen.yandex.ru/media/history_of_wars/ (дата обращения: 18.10.2020).
64. Представители «ДНР» до сих пор не вернули тело погибшего в «серой зоне» бойца «Альфы». *Интерфакс Украина*, 06. 12. 2019. URL: <https://interfax.com.ua/news/general/628960.html> (дата обращения: 18.10.2020).
65. Путин: Войска, оккупировавшие части в Крыму, не являются российскими, а форму можно купить в любом военном магазине. *Московский комсомолец, Россия*, 04. 03. 2014. URL: <https://www.mk.ru/politics/news/2014/03/04/993421...html> (дата обращения: 18.10.2020).
66. Путинский «ихтамнет» на Донбассе откровенно высказался о преимуществе ВСУ (19. 02. 2019). URL: <https://zik.ua/ru/news/2019/02/19/...1512801+&cd=6&hl=uk&ct=clnk&gl=ua> (дата обращения: 18.10.2020).
67. «Работают прицельно и точно», – командир батальона террористов «Пятнашка» россиянин Кузин пожаловался на украинских военных. Видео. *Цензор.нет*, 19. 02. 2019. URL: https://censor.net.ua/video_news/3112489/ (дата обращения: 18.10.2020).
68. Рутиня войны (09. 06. 2019). URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5a9> (дата обращения: 18.10.2020).
69. Савельев А. Война в 16. Из кадетов в «диверсанты». URL: <https://war16.ru/> (дата обращения: 18.10.2020).
70. «Сепарня надолго запомнит зиму и лето 2019», – кадры уничтожения позиций «ДНР» у Авдеевки попали в Сеть. URL: <http://donbass.ua/news/region/2019/07/23/...html> (дата обращения: 18.10.2020).
71. Синельникова Л. Н. Информационная война ad infinitum: украинский вектор. *Политическая лингвистика*. 2014. № 2. С. 95–101. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/> (дата обращения: 18.10.2020).
72. Слава Рабинович: я хотел бы кое-что напомнить путинским дегенератам (28. 02. 2020). URL: <https://rusmonitor.com/...html+&cd=19&hl=uk&ct=clnk&gl=ua> (дата обращения: 18.10.2020).
73. Соловей И. Чем воюют «шахтеры» и российские «огпусники» на Донбассе (8. 03. 2017). URL: https://lb.ua/world/2017/03/08/360647_voyuyut_shahteri_rossiyskie.html (дата обращения: 18.10.2020).
74. Сотникова Я. Донбасские ополченцы – герои, достойные своих предков. *Российский миротворец*, 16. 07. 2014. URL: <http://www.peacekeeper.ru/ru/?module=news&action=view&id=21371> (дата обращения: 18.10.2020).
75. Срыв договорняка. *DonRF*. URL: <https://zen.yandex.ru › media> (дата обращения: 18.10.2020).
76. Страна 404 – что это значит? URL: https://pikabu.ru/story/strana_404_что_yeto_znachit_4433793 (дата обращения: 18.10.2020).
77. Туник С. На трибунах становится громче. Сергей Туник о событиях недели. *Караван*, 30. 04. 2020. URL: <https://www.caravan.kz/gazeta/...462773/> (дата обращения: 18.10.2020).
78. Украинские военные в зоне боевых действий на Донбассе ликвидировали двух снайперов боевиков незаконных вооруженных формирований. *Экономические новости*. URL: https://enovosty.com/news_politics/full/707 (дата обращения: 18.10.2020).
79. Фашик Донецкий. Исповедь «ополченца»: до сих пор непонятно, как украинцы держались в ДАПе. *Портал Антикор*, 16. 04. 2019. URL: <https://antikor.com.ua/articles/298103> (дата обращения: 18.10.2020).
80. Федченко А. Украинский Сталинград: 242 дня обороны донецкого аэропорта. *Комсомольская правда в Украине*, 29. 01. 2015. URL: <https://kp.ua/incidents/488292> (дата обращения: 18.10.2020).
81. Филь Р. Ангелы войны. *Сегодня*, 21. 08. 2015. URL: <https://www.segodnya.ua/opinion/filcolumn/...642686.html> (дата обращения: 18.10.2020).
82. Цена ошибки – смерть. Из опыта поиска и обезвреживания взрывных устройств в Чечне. *Портал «Современная армия»*, 10. 05. 2014. URL: <http://www.modernarmy.ru/article/377> (дата обращения: 18.10.2020).
83. Чем воюют боевики в Донбассе. Данные военных экспертов. Новое время. Украина. URL: <https://nv.ua/ukr/ukraine/events/...48704.html> (дата обращения: 18.10.2020).

84. Шульман А. Жизнь на нуле. Репортаж из зоны АТО. Фокус, 25. 09. 2014. URL: <https://focus.ua/politics/316366> (дата обращения: 18.10.2020).
85. Шурыгин В. Человек с Севера (21. 10. 2014). URL: <https://shurigin.livejournal.com/564319.html> (дата обращения: 18.10.2020).
86. Щеневмерлик, ты с какой Россией воюешь? (08. 08. 2016). URL: <https://newsland.com/community/politic/content/...5383173> (дата обращения: 18.10.2020).
87. Щеневмерлики – галицаи – свидомиты. URL: <https://mikle1.livejournal.com/3032394.html> (дата обращения: 18.10.2020).
88. Эйдман И. Операция «Троянский конь»: для чего Путин придумал историю с формулой Штайнмайера. *Главком*, 4. 10. 2019. URL: <https://glavcom.ua/ru/think/...630232.html+&cd=18&hl=uk&ct=clnk&gl=ua> (дата обращения: 18.10.2020).
89. Электронный ресурс. URL: <https://vk.com/wall-57424472?q=y%20карателей&offset> (дата обращения: 18.10.2020).
90. Электронный ресурс (17. 05. 2017). URL: <https://sandra-nika.livejournal.com/1619403.html> (дата обращения: 18.10.2020).
91. Электронный ресурс (09. 12. 2017). URL: <https://focus.ua/politics/446019> (дата обращения: 18.10.2020).

Фу Цзін, кандидат філологічних наук, доцент, доцент факультету російської мови, Сичуанський університет іноземних мов (вул. Чжуанчжі, 33, район Шапінба, Чунцін, 400031, Китай); e-mail: fenger1205@mail.ru

Fu Jing, Ph.D. (Philology), Associate Professor, Department of Russian Language, Sichuan International Studies University (33, Zhuangzhilu Rd., Shapingba District, Chongqing, P. R. of China, 400031); e-mail: fenger1205@mail.ru